

Структурные сдвиги в российской экономике: потенциал деловых циклов исчерпан¹

А.Н. ЛЯКИН, доктор экономических наук. E-mail: a.lyakin@spbu.ru
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
ORCID0000-0002-0722-2517

Аннотация. В статье анализируется интенсивность структурных сдвигов, происходивших в российской экономике после кризисов 2008–2009 и 2014–2015 гг. Расчет индекса интенсивности структурных сдвигов по добавленной стоимости, занятости и инвестициям в основной капитал показал, что хотя структура выпуска и инвестиций в периоды рецессии меняется существенно, чем в период роста, в целом интенсивность структурных сдвигов в экономике страны снижается. Слабые изменения структуры занятости и ослабление изменений в отраслевом распределении инвестиций в период роста экономики свидетельствуют о стабилизации ее структуры. Сравнение структуры российской экономики и развитых сырьевых стран показало их последовательное сближение. Это свидетельствует о снижении потенциала созидательного разрушения в ходе кризисов и актуализирует необходимость государственного вмешательства в структурную перестройку экономики.

Ключевые слова: структурный кризис; структура экономики; структурные сдвиги; интенсивность структурных сдвигов; индекс Рябцева; сравнения структур экономики; сырьевые страны

Кризис 2007–2009 гг. прервал мощный восстановительный рост российской экономики и заставил обратить внимание на нарастающие в ней структурные диспропорции. Улучшение нефтяной конъюнктуры и возобновление роста отодвинули проблему структурной разбалансированности на второй план. Последующая длительная рецессия и вялый восстановительный рост показали, что инициированные циклическим падением кризисные процессы имеют более глубокую природу, нежели конъюнктурные колебания. Начавшийся после затухающего роста в 2015 г. новый спад заставил говорить о том, что российский кризис носит структурный характер. Нарушение пропорций в экономике достигло таких масштабов, что предшествующий циклический спад не решил проблемы их восстановления. Для того чтобы

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ проект № 18-010-00-00145.

проверить гипотезу об особой природе прошедшего кризиса, в статье оценивается интенсивность сдвигов в структуре выпуска, инвестиций и занятости, протекающих в экономике в различные периоды экономической конъюнктуры в ходе прошедших циклов.

Необходимо проверить, когда происходят наиболее значимые структурные изменения в экономике – в период роста, за счет изменения потоков инвестиций, или в ходе циклического спада, когда различные темпы падения по отраслям экономики ведут к перераспределению ресурсов между отраслями в ходе созидательного разрушения, и как интенсивность сдвигов меняется от одной рецессии к другой. Структурная природа кризиса должна проявить себя в большей интенсивности сдвигов, нежели в ходе предшествующего цикла. Оценка направленности структурных изменений позволит выявить, в какой мере вовлеченность в мирохозяйственные связи и рыночные стимулы для инвестиций обеспечивает движение российской экономики к оптимальной отраслевой структуре. В свою очередь снижение интенсивности сдвигов будет свидетельствовать об исчерпании потенциала созидательного разрушения в ходе цикла, необходимости активизации структурной политики.

Исчерпание возможностей роста «экономики спроса»

Модель экономического роста, сложившаяся в России в начале текущего века, стала специфическим сырьевым вариантом экономики спроса. В своих основных чертах она сформировалась в ходе трансформационного кризиса 1990-х гг., когда падение объемов выпуска сопровождалось активной перестройкой его структуры. Сохранившие свою конкурентоспособность на мировых рынках сырьевые отрасли и отрасли первого передела смогли сохранить производство за счет экспортных поставок, а обрабатывающая промышленность быстро сжималась, столкнувшись с жесткими спросовыми ограничениями. Значительное снижение реальных доходов населения и неограниченная конкуренция дешевых потребительских товаров из азиатских стран привели к существенному сокращению отраслей, работающих на конечный потребительский спрос – легкой и пищевой промышленности, производства бытовой техники и т.д. Спрос на продукцию наиболее сложных в технологическом отношении

отраслей, таких как радиотехническая промышленность, точное приборостроение, авиастроение и т.п. формировался, прежде всего, государственными расходами, которые в этот период ежегодно сокращались вследствие десятилетнего перманентного бюджетного дефицита. Продукция традиционной отрасли инвестиционного спроса – машиностроения – оказалась невостребованной, доля инвестиций в ВВП сократилась.

Высвобождающиеся трудовые ресурсы и капитал в эти годы перетекают в сферу услуг, главным образом – в розничную торговлю. В итоге именно в этот период происходят масштабные структурные сдвиги, с одной стороны, сближающие отраслевую структуру российской экономики с прочими капиталистическими странами, с другой – сопровождающиеся потерями целого ряда отраслей материального производства и закрепляющие ее сырьевую структуру [Маршова, 2016]. Доходы от экспорта сырья и продуктов первичной переработки перераспределялись отчасти через бюджет, отчасти через спрос работников соответствующих отраслей. Потребности домохозяйств покрывались за счет импорта готовой продукции (преимущественно – дешевыми азиатскими товарами).

Быстрый рост в 2000-е гг. начинается с глубокой девальвации рубля, создавшей барьер для импорта; перемещение спроса на российские товары при наличии простаивающих советских мощностей и достигнувшей заметных размеров безработицы дало импульс для соответствующего расширения отечественного производства. Последующее улучшение конъюнктуры на рынках российской экспортной продукции, прежде всего, углеводородов, запустило рост в этой модели.

Рентные доходы расширяли внутренний спрос по двум каналам – через расходы экспортных отраслей на продукцию предприятий-смежников и заработную плату работников, с одной стороны, и бюджетное перераспределение экспортной пошлины и налогов, поступающих от сырьевого сектора, с другой. Выбывание неконкурентоспособных производств и возникающие диспропорции закрывались быстро нарастающим импортом. Рост потребительских расходов усваивался прежде всего торговлей, которая в этот период становится локомотивом роста [Ивантер и др., 2017].

Вторым мощным импульсом для расширения внутреннего спроса, наряду с рассеиванием ренты, становится увеличение задолженности домохозяйств. В 1990-е потребительский кредит был невозможен. С переходом к устойчивому росту и началом финансовой стабилизации кредитование домохозяйств начинает расширяться быстрее роста доходов. В российской экономике сформировалась «ловушка низкого дохода»: рост заработных плат ведет к росту импорта и снижению эффективности производства, восстановление конкурентоспособности происходит через девальвацию и сокращение расходов на труд, запуск экономического роста предполагает новый виток потребительских расходов [Белоусов, 2017].

Укрепление рубля вследствие благоприятной сырьевой конъюнктуры и роста поступлений экспортной выручки сопровождалось быстрым ростом импорта потребительских товаров и машиностроительной продукции, увеличением в структуре экономики доли торговли, рыночных и государственных услуг. Хотя наряду с этим определенные стимулы для развития получили и национальное производство. Восстановление утраченного советского потенциала шло в секторах, продукция которых сохраняла конкурентоспособность, а наметившийся рост инвестиционного спроса создавал условия для восстановления ориентированных на него отраслей. На волне растущих расходов домохозяйств происходит массовое обновление основных фондов в пищевой промышленности, производстве строительных материалов и строительстве. Приток иностранного капитала обеспечил создание ряда сборочных производств товаров долговременного пользования – от бытовой электроники и холодильников до автомобилей [Галимов и др., 2017].

«Экономика спроса» обеспечивала рост реальных доходов и, помимо расширения продаж импортных товаров, создавала относительно благоприятные условия для национальных производств, включавшихся в мировые цепочки создания стоимости. На излете волны роста активизировались инвестиции: их доля в ВВП увеличивалась, начиная с 2005 г., и достигла своего максимума в 2007 г. Этому способствовали нарастающий дефицит рабочей силы и рост реальных зарплат, а также ожидания дальнейшего расширения рынка. В этот период возникли условия для устойчивого инвестиционного роста и перехода к «экономике

предложения». Однако последующий кризис продемонстрировал уязвимость вовлеченной в мировое хозяйство слабо диверсифицированной сырьевой экономики.

Кризис 2008–2009 гг. привел к жесткому сжатию спроса, прежде всего инвестиционного, и несмотря на последующий «отскок» нефтяных цен и их возвращение к докризисным уровням, устойчивого и быстрого роста прежняя модель обеспечить уже не могла. Более того, торможение российской экономики перед кризисом 2015–2016 гг. началось задолго до обострения геополитических проблем, санкций и падения нефтяного рынка. Отрицательные темпы роста в 2015 г. прогнозировались еще в начале 2014 г., хотя глубина и продолжительность будущего спада недооценивались. Причины начинавшейся стагнации стали предметом активного обсуждения в экономической литературе уже с 2012 г.

Специфические черты прошедшей рецессии стали основанием для определения ее как части структурного кризиса, то есть такого состояния экономики, когда сложившиеся отраслевые пропорции ограничивают возможности экономического роста, а их изменение не может быть реализовано в ходе циклического спада. Разрешение этого кризиса требует либо изменения институтов и расширения возможностей для санирующей работы рынков, либо активизации проводимой государством структурной политики. В частности, ключевые идеи получившего широкую известность доклада Столыпинского клуба сводились к необходимости проведения целенаправленной структурной политики, результатом которой должен стать новый воспроизводственный контур экономики, обеспечивающий устойчивый рост [Миркин, 2018].

Неизбежность смены модели экономического роста, ухода от трансформации сырьевой ренты в потребительские расходы как основного источника спроса и перехода к «экономике предложения», построенной на растущих инвестициях, формирующих спрос, осознается экономистами всех направлений. Проблема заключается в том, как будет осуществляться этот структурный маневр.

Структурная перестройка возможна по трем сценариям.

1. Во время рецессии происходит процесс созидательного разрушения, сокращаются наиболее уязвимые отрасли и производства, изменение структуры идет за счет ликвидации части производств и видов деятельности, высвобождения ресурсов, которые затем вовлекаются быстрорастущими секторами в процессе

восстановительного роста и последующего подъема. Структурная перестройка идет путем сокращения избыточных производств в ходе спада и закрепляется в процессе последующего роста.

2. Неравномерный рост в ходе подъема обеспечивает переток ресурсов в наиболее активно растущие секторы, структурные сдвиги в распределении труда и капитала следуют за структурными сдвигами в инвестициях. Соответственно, изменения в инвестициях предшествуют сдвигам в структуре выпуска и занятости, и при этом наиболее интенсивные сдвиги должны происходить в период быстрого роста экономики и расширения инвестиций.

3. Сдвиги происходят под воздействием государственной структурной политики. В этом случае они обусловлены соответствующими государственными инвестициями, мерами бюджетно-налоговой политики и различных форм стимулирования со стороны государства.

Для того чтобы разобраться, какой из вариантов структурной перестройки реализуется в российской экономике (если это вообще происходит), необходимо оценить интенсивность и направленность структурных сдвигов, изменение их интенсивности в ходе цикла.

Интенсивность структурных сдвигов в российской экономике в ходе делового цикла

Методология оценки структурных сдвигов сформировалась еще в конце XX в. (Казинец, 1981) и активно применяется для реализации различных задач экономического анализа. Для оценки всех аспектов структурных сдвигов используются абсолютные показатели (линейный и квадратический коэффициент абсолютных структурных сдвигов), а также набор индексов (интегральный коэффициент структурных сдвигов К. Гатева, интегральный коэффициент структурных различий А. Салаи, индекс В. М. Рябцева), каждый из которых имеет определенную специфику расчета и несет несколько различающуюся информацию [Трифонов, Веселова, 2015]. Методология анализа структуры экономики, особенности расчета и области применения соответствующих индексов подробно изложены в работе О. Сухарева [Сухарев, 2012].

Индексы структурных сдвигов в российской научной литературе используются прежде всего для сопоставления экономических структур различных регионов между собой и относительно

структуры экономики страны в целом [Данько и др., 2016], анализа изменения структуры экономики во времени [Елхина, 2014], сопоставления различных компонентов экономической структуры, выявления взаимосвязи между темпами экономического роста и структурными изменениями. Структурные изменения в инвестициях, установленных мощностях и добавленной стоимости могут не только не совпадать, но и идти в противоположных направлениях. Так, увеличение доли инвестиций в основной капитал добывающих отраслей сопровождается снижением доли этих отраслей в установленных производственных мощностях промышленности и совокупной добавленной стоимости, произведенной в российской экономике в период 2004–2015 гг. [Замараев, Маршова, 2017].

Для того чтобы оценить, как в ходе экономического цикла меняется интенсивность структурных сдвигов, необходимо сопоставить динамику индексов, рассчитанных по структуре добавленной стоимости в постоянных ценах, структуре занятости по видам деятельности и структуре инвестиций в основной капитал. Если верно распространенное предположение о структурном характере кризиса [Николаев, 2015; Мау, Улюкаев, 2015], интенсивность структурных сдвигов должна возрастать как в отношении произведенной добавленной стоимости, так и в распределении труда и капитала. Соответственно, индекс интенсивности структурных сдвигов в период рецессии 2015–2016 гг. должен возрастать как применительно к выпуску, так и в отношении труда и капитала.

В качестве индекса, характеризующего интенсивность структурных сдвигов, будет использоваться индекс Рябцева, динамика которого строго совпадает с динамикой интегрального коэффициента структурных различий К. Гатева, расчет отличается незначительно, но есть предложенная автором шкала оценивания значимости структурных сдвигов в зависимости от полученной величины индекса.

Индекс Рябцева рассчитывается как

$$I_{\text{Рябцева}} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (W_i^{(1)} - W_i^{(0)})^2}{\sum_{i=1}^n (W_i^{(1)} + W_i^{(0)})^2}},$$

где:

$W_i^{(0)}$ - доля i элемента в общей совокупности в базисном периоде,

$W_i^{(1)}$ - доля i элемента в общей совокупности в отчетном периоде.

Полученное значение свидетельствует об интенсивности структурных сдвигов. Его возможная величина лежит в интервале $0 \leq I \leq 1$. При этом если структура не менялась, индекс равен нулю, если структура изменилась зеркально, он равен 1. От числа элементов совокупности он не зависит, а его динамика позволяет судить о том, насколько меняется структура экономики в процессе изменения ее масштабов. Очевидно, что при прочих равных условиях значения индекса будут тем выше, чем больше временной интервал, для которого осуществляется расчет. Годовые изменения, даже в условиях самых радикальных преобразований экономики, не могут обеспечить существенные сдвиги структуры.

Для того чтобы уменьшить искажающее влияние ценовых колебаний на оценку изменения структуры добавленной стоимости в ходе цикла, в качестве исходных данных для расчетов взята статистика по производству добавленной стоимости по видам экономической деятельности в неизменных ценах. Эту же задачу решает расчет структурных сдвигов в сферах занятости. Учет занятости в натуральных показателях позволяет нивелировать колебания относительных цен, приобретающих заметные масштабы в период рецессии. Это особенно важно для российской экономики, в которой импульсом для спада выступает шоковое снижение нефтяных цен и обусловленная этим девальвация. Следовательно, именно в этот период происходит значимое изменение относительных цен и структуры экономики, выраженной в текущих ценах.

Коэффициенты структурных сдвигов, рассчитанные по распределению занятых по видам экономической деятельности в экономике, позволяют оценить, в какой мере структурные изменения выпуска подкрепляются перемещением трудовых ресурсов. Учитывая специфическую реакцию российского рынка труда на изменение экономической конъюнктуры, можно предположить, что структурные изменения в занятости будут меньше, чем в выпуске: большая стабильность распределения

занятости по сферам деятельности по отношению к структуре выпуска обусловлена, с одной стороны, поддержанием избыточной занятости в отраслях, сокращающих объемы производства, с другой – осторожным подходом к дополнительному привлечению работников в период плохой конъюнктуры в отраслях, сохранивших и наращивающих производство в период кризиса.

Поскольку приспособление российского рынка труда к снижению производства идет, прежде всего, за счет уменьшения реальной, а в ряде случаев и номинальной оплаты труда, а не сокращения занятых, быстрого высвобождения работников не происходит. Высокая гибкость заработной платы при жесткости занятости отмечается в целом ряде работ по анализу реакции рынка труда на макроэкономические колебания [Гимпельсон, Капелюшников, 2015; Гурвич, Вакуленко, 2018].

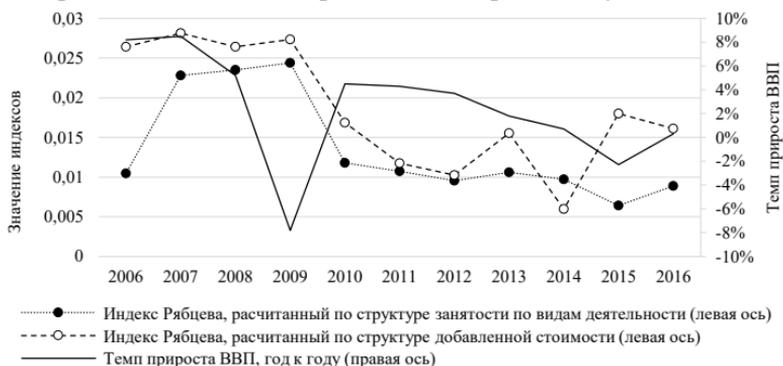
Еще одним параметром, позволяющим судить о потенциале будущих сдвигов в структуре экономики, может служить интенсивность сдвигов в направлениях инвестиций. При состоянии, близком к экономическому равновесию, именно текущие изменения в отраслевой структуре инвестиций в основной капитал обеспечивают изменения структуры экономики.

Если прошедший кризис в российской экономике носил структурный характер, то есть его причины обусловлены несоответствием структуры выпуска потребностям экономических агентов, то падение производства должно сопровождаться повышением интенсивности структурных сдвигов. Динамика индекса Рябцева, рассчитанная по структуре добавленной стоимости и структуре занятых, представлена на рисунке 1.

Как видно из рисунка, интенсивные сдвиги в структуре производства и занятости происходят в период быстрого роста 2006–2008 гг., усиливаются в период глубокого спада 2009 г. и последовательно снижаются во время посткризисного восстановительного роста. Несколько выпадает из общего ряда ситуация 2013 г., когда наблюдается заметный рост индекса Рябцева, рассчитанного для структуры выпуска по видам экономической деятельности при сохранении тенденции к затуханию темпов роста российской экономики.

Важно отметить, что хотя в период кризиса 2015–2016 гг. интенсивность структурных сдвигов возрастает, она заметно ниже, чем во время предшествующего циклического падения.

Более того, если ускорение структурных изменений выпуска во время спада отмечается в целом ряде работ [Трифонов, Веселова, 2015; Елхина, 2014], а Л.А. Дедов и Е.Ф. Вычужанина доказывают, что сама логика расчета показателя способствует завышению его значений в период падения экономики [Дедов, Вычужанина, 2014], то во время последней рецессии интенсивность структурных сдвигов снижается по сравнению с периодом быстрого экономического роста в ходе предшествующего цикла.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата².

Рис. 1. Индексы Рябцева, рассчитанные по структуре добавленной стоимости в постоянных ценах и по структуре занятости, и темпы прироста ВВП (2006–2016 гг.),%

С одной стороны, это обусловлено меньшей глубиной спада и вялой экономической динамикой в новом цикле, с другой – может свидетельствовать о приближении структуры российской экономики к устойчивому, стабильному состоянию, вследствие чего в рамках прошедшего циклического падения реальный выпуск снижался относительно пропорционально по всем видам деятельности. В 2009 г. при падении ВВП на 7,8% обрабатывающие производства и строительство сократились на 14,7%, сельское хозяйство выросло на 1,48%, рыболовство и рыболовство – на 5,6%. В 2016 г. по отношению к 2014 г. выпуск сократился на 2,71%, при этом положительные темпы роста продемонстрировали сельское хозяйство и добыча полезных

² URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab11.htm (дата обращения: 05.05.2019); URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm (дата обращения: 05.05.2019); URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 05.05.2019).

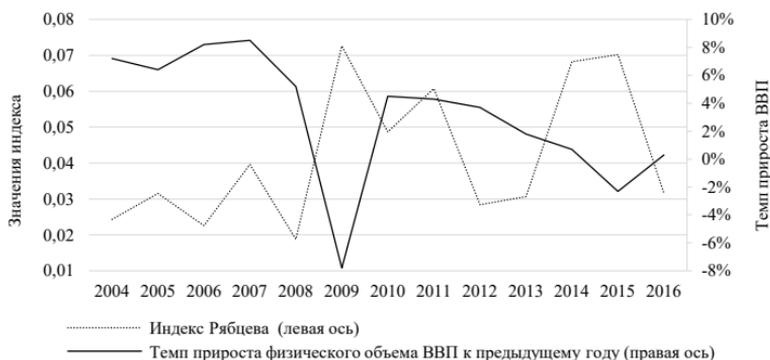
ископаемых (5,8% и 2,38% соответственно), а обрабатывающие производства снизились на 4,8%³.

Аналогичным образом можно интерпретировать данные по изменению структуры занятости. Экономический рост 2007–2008 гг. и спад 2009 г. сопровождались наиболее интенсивными изменениями в структуре занятости, тогда как во время прошедшего цикла структура менялась крайне незначительно, а собственно в период рецессии оставалась практически стабильной. Отчасти это объясняется уже отмеченными особенностями российского рынка труда, отчасти свидетельствует о замедлении процессов межотраслевого перераспределения ресурсов и, соответственно, угасании процессов структурных изменений в долгосрочной перспективе.

В отличие от предшествующего цикла, интенсивность структурных сдвигов занятости по видам экономической деятельности в период 2010–2016 гг. остается на крайне невысоком уровне и даже спад 2015–2016 гг. почти не отразился на структуре занятости. Справедливо будет предположить, что если кризис обусловлен структурными проблемами, то в ходе циклического спада должна идти существенная перестройка экономики, хотя бы за счет сжатия неэффективных видов деятельности, как это происходило в предшествующем цикле. Во время последней рецессии интенсивность структурных сдвигов в выпуске возросла незначительно, а перераспределение труда между видами деятельности вовсе не активизировалось.

Интенсивность сдвигов в структуре инвестиций в основной капитал показывает обратную зависимость от темпов роста ВВП (рис. 2). Коэффициент корреляции между рядами в период 2006–2016 гг. равен -0,6549. Такая взаимосвязь может объясняться тем, что инвестиции в основной капитал во время циклических спадов предсказуемо падают быстрее, чем ВВП. Поэтому изменения структуры инвестиций не столько объясняют будущие сдвиги в пропорциях выпуска по сферам деятельности, сколько отражают естественную реакцию экономических агентов на ухудшение конъюнктуры – отрасли, оказавшиеся в наихудшем положении, быстрее остальных пересматривают свои инвестиционные планы.

³ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 25.08.2019).

Источник: рассчитано по данным Росстата⁴.

Рис. 2. Индекс Рязцева, рассчитанный по структуре инвестиций в основной капитал, и темпы прироста ВВП (2006–2016 гг.),%

Поскольку доля инвестиций в основной капитал снизилась после кризиса 2008–2009 гг. и устойчиво сохраняется в интервале 18–19% ВВП, российская стагнация не создает условий для серьёзных структурных изменений. Ни в процессе спада, ни в период посткризисного восстановления значимого усиления структурных изменений не происходит.

Направленность и устойчивость сдвигов в структуре российской экономики

Полученные данные показывают, насколько существенно менялась структура российской экономики с течением времени и как тесно эти изменения связаны с состоянием экономической конъюнктуры. Но они ничего не говорят о качестве этих изменений – происходит ли упрощение структуры и вытеснение высокотехнологичных видов экономической деятельности, создающих высокую добавленную стоимость отраслями низких переделов, или процесс движется в желаемую сторону расширения перспективных отраслей. Более того, эти индексы не свидетельствуют о направленности фиксируемых изменений.

Так, можно предположить ситуацию, когда во время рецессии снижается выпуск в отраслях, наиболее серьезно задетых

⁴ URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab11.htm (дата обращения: 05.05.2019); URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/tab_inv-OKVED.htm (дата обращения: 05.05.2019).

кризисом, а в период восстановительного роста они будут расти быстрее экономики в целом, восстанавливая докризисные позиции. В этом случае высокое значение годовых значений индекса структурных сдвигов может сопровождаться стабильностью структуры на длительном интервале.

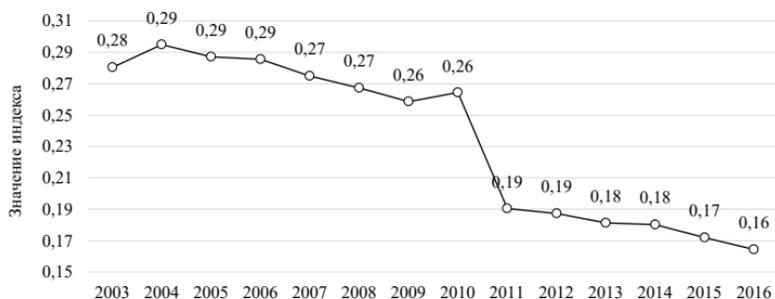
Направление изменений и устойчивость сдвигов можно проверить по тому, насколько структура российской экономики приближается к определенной структуре, которая будет использоваться в качестве эталонной. (Под эталоном в данном контексте понимается не идеал, к которому необходимо стремиться, а выбранная для сопоставления существующая структура экономики, с которой сближается российская.)

Для оценки этого движения будет использоваться модифицированный индекс Рябцева, при расчете которого отклонение долей будет рассчитываться не по отношению к базисному году, а по отношению к выбранной структуре. При этом значения полученного индекса получают несколько иную интерпретацию. Чем меньше значение индекса, тем ближе структура российской экономики к выбранному эталону, вплоть до полного совпадения при значении индекса, равном нулю. При этом важны как абсолютное значение индекса, так и его динамика.

Последовательное снижение индекса свидетельствует об однонаправленном движении к эталонной структуре. Если рост значений индекса интенсивности структурных сдвигов во время кризисов сопровождается ростом значения индекса Рябцева, рассчитанного по отношению к эталонной структуре, это свидетельствует об отклонении структурных изменений от долгосрочного тренда под воздействием конъюнктурных факторов.

Проблема заключается в выборе такой структуры, которая может выступать эталоном. В качестве таковой предлагалось использовать экономику США 1961 г., когда среднедушевой ВВП США по ППС был равен российскому за 2012 г. [Лякин, 2013]. Очевидным недостатком такого подхода было то, что пятидесятилетний временной разрыв, несмотря на сходный уровень подушевого ВВП по ППС, делал структуры плохо сопоставимыми. Равным образом не целесообразно в качестве эталона брать структуру экономики, характерную для группы развитых стран в целом. В этом случае будет возникать объективно обусловленное несоответствие, вызванное местом в мировом разделении труда.

В докладе ВШЭ по структурной политике [Структурная политика., 2018] в качестве образца для сравнения использовалась средняя (невзвешенная) структура ВВП развитых стран с сырьевой специализацией. Очевидно, что в среднесрочной перспективе сырьевая специализация России на мировом рынке сохранится, и доля добычи полезных ископаемых в ее валовой добавленной стоимости останется повышенной. Для проверки направленности и устойчивости структурных сдвигов был рассчитан индекс Рябцева, при этом вместо базисного периода использовались данные по средневзвешенной структуре ВВП развитых сырьевых стран (Канада, Норвегия, Австралия) за соответствующий период, рассчитанные по национальной статистической отчетности (рис. 3).

Источник: расчеты автора.

Рис. 3. Индекс Рябцева, рассчитанный по структуре добавленной стоимости по видам деятельности экономик России и развитых сырьевых стран, в 2003–2016 гг.

Из рисунка видно, что только в 2004 г. и 2010 г. расхождение структур несколько усиливалось. Во всех остальных случаях на протяжении всего периода шло последовательное сближение структуры российской экономики со структурой развитых сырьевых стран. Используя шкалу оценки меры существенности структурных различий по индексу Рябцева, можно отметить, что за рассматриваемый период значение индекса менялось от верхней границы существенных различий структуры (0,3) до нижней (0,15).

В таблице представлены данные по структуре экономики России, Норвегии, Канады и Австралии. Серьезных расхождений между ними немного. В России заметно выше доли сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности, торговли, и существенно ниже – доли финансовой и страховой деятельности, а также социальных услуг (образования, здравоохранения).

**Структура добавленной стоимости в странах
по видам деятельности**

Отрасль	Россия	Норвегия	Канада	Австралия
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	4,09	2,35	2,08	2,55
Добыча полезных ископаемых	9,83	14,53	7,84	7,76
Обрабатывающие производства	13,21	7,36	10,49	8,76
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,77	2,20	2,21	2,35
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,45	0,67	0,28	...
Строительство	6,40	6,60	7,34	8,27
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	14,82	8,43	10,49	9,25
Транспортировка и хранение	7,19	5,00	4,53	5,50
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,95	1,50	2,26	2,43
Деятельность в области информации и связи	2,48	4,57	3,02	3,44
Деятельность финансовая и страховая	4,48	5,47	6,62	10,40
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	9,99	8,03	12,68	10,77
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,39	4,49	5,72	7,03
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2,49	2,72	2,68	2,62
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	8,12	6,75	8,61	5,30
Образование	3,13	5,43	5,35	4,78
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,04	11,54	7,00	6,04
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,89	2,08	0,79	0,91
Предоставление прочих видов услуг	0,64			1,84
Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления	0,60			

Источник: официальные сайты национальных статистических органов России, Норвегии (URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/09171/> (дата обращения 05.05.2019)), Канады (URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3610043403>), Австралии (URL: <https://www.abs.gov.au/AUSSTATS/abs@.nsf/DetailsPage/5204.02017-18?OpenDocument> (дата обращения 05.05.2019)).

Существующие расхождения в структуре экономики не могут стать причиной масштабного структурного кризиса, более того, интенсивность структурных сдвигов в валовой добавленной стоимости по видам деятельности и по распределению занятых, как показывают проведенные расчеты, устойчиво снижается, и прошедший кризис показал заметно менее значительный сдвиг по сравнению с тем, который происходил в отечественной экономике после 2009 г.

Более того, по мнению автора, неустойчивость и уязвимость российской экономики к внешним шокам тоже не может объясняться только лишь значимой долей сырьевого сектора в ВВП. Динамика курсов сырьевых валют, включая рубль, во многом схожа. Подобно российскому рублю, валюты развитых сырьевых стран отличаются более высокой, по сравнению с валютами прочих развитых стран, волатильностью, и события на сырьевых рынках приводят к однонаправленному движению курсов. Падение цен на сырьевых рынках в 2009 г. привело к девальвации, сопоставимой по масштабам во всех рассматриваемых странах. В 2014–2015 гг. ослабление валют происходило во всех сырьевых экономиках, хотя рубль упал глубже остальных.

В то же время чувствительность российской экономики к внешним шокам оказывается значительно более заметной. В 2009 г. Российская Федерация потеряла 7,8% ВВП, Канада – 2,95%, Норвегия – 1,69%, а Австралия продолжила рост темпом в 2%. Из четырех рассматриваемых экономик падение нефтяных цен в 2014 г. привело к рецессии только в России, в Канаде темпы роста снизились с 3 до 1%, в Австралии и Норвегии – не изменились.

Резервов для значительного перемещения ресурсов в ходе рецессии в российской экономике осталось немного. Структурные изменения, необходимые для осуществления стабильного долгосрочного роста и устойчивости экономики, могут быть обеспечены только за счет ускоренного расширения доли перспективных секторов, что предполагает структурные сдвиги в распределении инвестиций в основной капитал и увеличения их доли в ВВП. Сближение структуры российской экономики с развитыми сырьевыми странами показывает, в какую сторону идет процесс изменений под воздействием рыночных стимулов

и естественных преимуществ, обусловленных природными факторами и особенностями конкуренции на мировых рынках.

Для российской экономики с ее масштабами такая специализация ограничивает потенциал дальнейшего развития. Структурные изменения в этих условиях требуют целенаправленной государственной политики, задающей ориентиры для бизнеса и предполагающей стимулирующие бюджетные инвестиции. Возможности увеличения доли обрабатывающих производств, образования, науки и научного обслуживания, медицины за счет перераспределения ресурсов практически исчерпаны. Это может произойти только благодаря увеличению инвестиций и соответствующему росту производительности труда, что в свою очередь позволит активизировать процессы межсекторального перетока трудовых ресурсов. В результате интенсивность структурных сдвигов должна увеличиться на фазе роста.

Выводы

Структурные сдвиги в российской экономике замедляются. В ходе последней рецессии их интенсивность оказалась ниже, чем в период быстрого роста нулевых годов. Хотя спаду 2015–2016 гг. способствовали накопившиеся в экономике диспропорции, значительных изменений в структуре выпуска, измеренного в постоянных ценах, в этот период не произошло. Несмотря на длительность спада, процесс созидательного разрушения не приобрел значимых масштабов.

Интенсивность структурных сдвигов в распределении труда по видам деятельности снижается на протяжении последних 15 лет как в ходе подъема, так и во время спада. Структура инвестиций в основной капитал подвержена наименьшим изменениям во время роста, а усиление структурных сдвигов в ходе рецессий объясняется снижением инвестиционной активности отраслей, наиболее серьезно пострадавших от кризиса. Перераспределение ресурсов между видами деятельности не создаёт условий для последующих изменений структуры экономики.

Структура экономики России последовательно сближается со структурой, характерной для развитых сырьевых стран. Однако, учитывая различия в масштабах, этот процесс нельзя рассматривать как позитивный.

Структурные сдвиги 1990-х годов, при всех сопряженных с ними социальных издержках, могли быть реализованы достаточно быстро, перемещение труда из промышленности, образования, науки в торговлю и строительство происходило без больших затрат. Необходимые структурные изменения в настоящее время требуют инвестиций и существенных издержек на переквалификацию работников, вытесняемых из торговли и сферы услуг. Интенсификация структурных сдвигов предполагает целенаправленную государственную политику по формированию стратегических приоритетов развития и стимулированию инвестиционной активности.

Литература

Белоусов Д. Р. Операция «развитие»: как преодолеть долгосрочную стагнацию // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52). С. 34–38.

Галимов Д. И., Гнидченко А. А., Михеева О. М., Рыбалка А. И., Сальников В. А. Производственные мощности обрабатывающей промышленности России: важнейшие тенденции и структурные характеристики // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 60–88.

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Российская модель рынка труда: испытание кризисом // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 249–253.

Гурвич Е. Т., Вакуленко Е. С. Исследования российского рынка труда и экономическая политика // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 1 (37). С. 203–212.

Данько Т. П., Зарова Е. В., Шеметкова О. Л., Соловьева М. Г. О картах рейтинговой оценки структурных сдвигов и конкурентных преимуществ регионов РФ // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10 (ч. 1), С. 1226–1233

Дедов Л. А., Вычужанина Е. Ф. Уточнение оценки макроэкономического структурного сдвига // Журнал экономической теории. 2014. № 3. С. 194–195.

Елхина И. А. Структурные сдвиги и структурные различия хозяйственных систем в России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 4 (53). С. 38–41.

Замараев Б., Маришова Т. Инвестиционные процессы и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 40–62.

Ивантер В. В., Белоусов Д. Р., Блохин А. А. и др. Структурно-инвестиционная политика в целях модернизации экономики России // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 3–16.

Казинец Л. С. Темпы роста и структурные сдвиги в экономике (Показатели планирования и анализа). М.: Экономика. 1981. 184 с.

Лякин А. Н. Структурные сдвиги в российской экономике и промышленная политика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2013. № 1. С. 39–52.

Маришова Т. Структура национальной экономики и ее изменение: методические подходы к оценке и система показателей // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2016. № 3 (9). С. 36–64.

Мау В. А., Улюкаев А. В. От экономического кризиса к экономическому росту, или как не дать кризису превратиться в стагнацию // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 5–19.

Миркин Я. Российская экономика: вызовы, сценарии, стратегия роста // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 67–74.

Николаев И. А. Структурный экономический кризис – проявление политических ограничителей модернизации // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 4 (28). С. 176–182.

Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка (доклад НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 5–28.

Сухарев О. С. Структурный анализ экономики. М.: Финансы и статистика, 2012. 216 с.

Трифонов Ю. В., Веселова Н. В. Методологические подходы к анализу структуры экономики на региональном уровне // Вопросы статистики. 2015. № 2. С. 37–49.

Статья поступила 27.07.2019.

Статья принята к публикации 29.08.2019.

Для цитирования: Лякин А. Н. Структурные сдвиги в российской экономике: потенциал деловых циклов исчерпан // ЭКО. 2020. № 7. С. 8–28. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-8-28.

Summary

Lyakin, A.N., Doct. Sci. (Econ.), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

The Structural Shifts in the Russian Economy: Depletion of Business Cycle Opportunities

Abstract. The intensity of structural shifts that took place in Russian economy after crises 2008–2009 and 2014–2015 is analyzed in this paper. Structural shift intensity index calculation (according to value added, employment rate and fixed investments) showed that although the output and investments structure has changed more during the recession period than during the period of growth, in general the structural shifts intensity decreases. Low values of structural shifts rate (calculated using the employment rates) and reduced changes in sectoral investment distribution during the period of growth in Russian economy indicate the structural stabilization. Structural difference estimation had shown the gradual closing of Russian economy and economy of developed commodity-dependent countries. That indicates the decrease in crisis destructive potential and updates the necessity of government involvement into the structural adjustment of economy.

Keywords: *structural crisis; economic structure; structural changes; structural shifts intensity; the Ryabtsev index; comparison of economic structures; commodity-dependent economies*

References

Belousov, D.R. (2017). Operation “development”: how to overcome long-term stagnation. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii. The Economic Revival of Russia*. No.2 (52). Pp. 34–38. (In Russ.).

Dan’ko, T.P., Zarova, E.V., Shemetkova, O.L., Solovyeva, M.G. (2016). About cards rated structural change and the competitive advantages of Russian regions. *Ekonomika i predprinimatel’stvo. Journal of Economy and entrepreneurship*. No. 10 (p. 1). Pp. 1226–1233. (In Russ.).

Dedov, L.A., Vychuzhanina, E.F. (2014). Specification of evaluation of the macro-economic structural shift. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii. Russian Journal of Economic Theory*. No. 3. Pp. 194–195. (In Russ.).

Elkhina, I.A. (2014). Structural shifts and structural differences of economic systems in Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial’no-ekonomicheskogo universiteta. Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. No. 4 (53). Pp. 38–41. (In Russ.).

Galimov, D.I., Gnidchenko, A.A., Miheeva, O.M., Rybalka, A.I., Sal’nikov, V.A. (2017). Production capacities of the manufacturing industry in Russia: The most important trends and structural characteristics. *Voprosy Ekonomiki*. No. 5. Pp. 60–88. (In Russ.).

Gimpelson, V. E., Kapeliushnikov, R.I. (2015). The Russian Labour Market Model Trial by Recession. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii. The Journal of the New Economic Association*. No. 2 (26). Pp. 249–253. (In Russ.).

Gurvich, E.T., Vakulenko, E.S. (2018). Studies of Russian Labor Market and Economic Policy. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii. The Journal of the New Economic Association*. No. 1 (37). Pp. 249–253. (In Russ.).

Industrial policy in Russia: New conditions and possible agenda (The report of NRU HSE) (2018). *Voprosy Ekonomiki*. No. 6. Pp. 5–28. (In Russ.).

Ivanter, V.V., Belousov, D.R., Blokhin, A.A. et al. (2017). Structural and investment policy as an instrument for modernizing the Russian economy *Problemy prognozirovaniya. Studies on Russian Economic Development*. No. 4. Pp. 3–16. (In Russ.).

Kazinets, L.S. (1981). Growth and structural changes in economy (Performance Planning and Review). Moscow, Ekonomika Publ. 184 p. (In Russ.).

Lyakin, A. (2013) The Structural Shifts in the Russian Economy and Industrial Policy. *Vestnik Saint-Peterburgskogo Universiteta. Ekonomika. St Petersburg University Journal of Economic Studies*. No. 1. Pp. 39–52. (In Russ.).

Marshova, T. (2016). Structure of the national economy and its change: Methodological approaches to evaluation and the system of indicators. *Vestnik Moskovskogo Gorodskogo Pedagogicheskogo Universiteta, Seriya: Ekonomika. Vestnik of Moscow City University. Series Economics*. No. 3 (9). Pp. 36–64. (in Russ.).

Mau, V., Ulyukaev, A. (2015). From Economic Crisis to Economic Growth, or how to Prevent the Crisis from Turning into Stagnation. *Voprosy Ekonomiki*. No. 4. Pp. 5–19. (In Russ.).

Mirkin, Ya. (2017). Russian Economy: Challenges, Scenarios, Strategy of Growth *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. No. 3. Pp. 67–74. (In Russ.).

Nikolaev, I.A. (2015). Structural Economic Crisis As a Manifestation of Political Constraints on Modernization. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii. Journal of the New Economic Association*. No. 4 (28). Pp. 176–182 (In Russ.).

Sukharev, O.S. (2012). Structural analysis of the economy. Moscow, Finansy i statistika Publ. 216 p. (In Russ.).

Trifonov, Yu.V., Veselova, N.V. (2015). Methodological approaches to analyzing the structure of the economy at the regional level. *Voprosy statistiki*. No. 2. Pp. 37–49. (In Russ.).

Zamaraev, B., Marshova, T. (2017). Investment Processes and the Russian Economy Restructuring. *Voprosy Ekonomiki*. No. 12. Pp. 40–62. (In Russ.).

For citation: Lyakin, A.N. (2020). The Structural Shifts in the Russian Economy: Depletion of Business Cycle Opportunities. *ECO*. No. 7. Pp. 8-28. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-8-28.